Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Мораль и насилие
21 октября 1922

Umanità Nova, год 3-й, №193

ru.anarchistlibraries.net

Мораль и насилие

Эррико Малатеста

21 октября 1922

«Не существует чистого права, не существует принципов высшей морали, стоящих над частными интересами антагонистических классов, как и враждебных государств», – говорит Энрико Мелеандри в статье, опубликованной в нью-йоркском *Proletario*, которую редактор парижского *Libertaire* переводит с целью ответить нашему Луиджи Фаббри, который в своём некрологе не проявил достаточного почтения к теоретику насилия Жоржу Сорелю. И вследствие этого своего убеждения Мелеандри отказывается «рассматривать насилие с чувством удивления, с демократическим и пацифистским складом ума» и утверждает, что «революционные синдикалисты гнушаются рассматривать ту беспощадную борьбу, которую буржуазия ведёт, чтобы уничтожить во всех странах пролетариат, как некое высшее покушение на пресловутые права цивилизации, прогресса и равенства». И продолжает, выражая глубочайшее презрение к «моральным принципам» и утверждая, что в действительности единственное, что имеет значение, единственное, что достойно оценки, – это «сила и

насилие, термины, которые часто сливаются и дополняют друг друга».

Мне кажется, что, несмотря на революционные притязания и вопреки намерениям Мелеандри и, возможно, даже его учителя Сореля, всё это есть не что иное, как постановка философии истории на службу господствующим классам, которые, обладая силой и имея возможность с большей эффективностью применять насилие, являются единственными, кто выигрывает от освобождения от всякого морального осуждения.

Но, к счастью, истина не такова, какой её изображают «революционные синдикалисты» в духе Мелеандри; и насилие не является единственным и тем более главным фактором человеческой эволюции.

Конечно, история полна борьбы и побоищ – между народами, между классами, между семьями, между индивидами. И борьбу с побоищами мы видим вокруг себя, куда ни бросим взгляд. Но верно и то, что если бы существовали только борьба и побоища, если бы ненависть, соперничество, война были исключительными или хотя бы доминирующими чертами в отношениях между людьми, человечество не смогло бы развиваться и прогрессировать; более того, не могло бы существовать человечества в собственном смысле слова, даже если бы имелись животные с человеческим обликом, немного превосходящие или немного уступающие диким млекопитающим.

Несмотря на реки пролитой крови, несмотря на неописуемые страдания и унижения, несмотря на эксплуатацию и тиранию против самых слабых – будь то по причине личной неполноценности или общественного положения, – несмотря, словом, на борьбу и все её последствия, то, что действительно преобладает в человеческом общежитии или, по крайней мере, составляет его жизненный и прогрессивный элемент, – это сочувствие, чувство общей чело-

были одинаково лишены всякой моральной сдержанности, то следовало бы отчаяться в человечестве или, вернее, следовало бы возложить всю надежду на добрую женщину, которая не знает ни политики, ни классовой борьбы, но страдает и плачет, когда видит страдания.

***

Мы не «пацифисты», потому что мир невозможен, если его не хотят обе стороны.

Мы считаем насилие необходимым и обязательным для защиты, но только для защиты. И, разумеется, не только для защиты от физического, прямого, непосредственного нападения, но и против всех тех учреждений, которые посредством насилия держат людей в рабстве.

Мы против фашизма и хотели бы, чтобы его одолели, противопоставив его насилию большее насилие. И мы прежде всего против правительства, которое есть постоянное насилие.

Но наше насилие должно быть сопротивлением людей против скотов, а не свирепой борьбой зверей против зверей.

Для победы используем всё необходимое насилие: но ничего больше и ничего хуже.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

деньги предаёт своих товарищей… разве что он подходит к ним с душой врача, который рассматривает их как бедных безумцев, как больных, заслуживающих того ухода, который должен оказываться глубоко несчастным людям.

Фашисты – сотней против одного – убивали, избивали, истязали, оскорбляли женщин, детей, безоружных и инвалидов, сжигали, уничтожали богатства, бывшие плодом долгих жертв трудящихся, обращали целое население какой-либо местности в настоящее рабство; многие из них предали партии, к которым принадлежали, и свирепствуют против своих прежних товарищей – и, несмотря на всё это и худшее, их считают политическими деятелями, борцами за признаваемое дело, и многие почтенные люди, которые, конечно, не совершили бы этих преступлений, не гнушаются пожимать им руку и поддерживать с ними добрососедские отношения.

Много проповедовали насилие и мало – мораль; и естественным результатом стало то, что когда появились насильники, снабжённые адекватной силой или достаточной дерзостью, они не встретили ни физического сопротивления, ни морального осуждения.

Общеизвестно, что насильник всегда легче всего подчиняется насилию, если встречает сильнейшего, чем он сам. И кто способен совершить дурной поступок, тот не удивляется и не возмущается, если его совершает другой; скорее он ищет, если это возможно, получить свою долю выгоды.

Разве не слышно, как некоторые «подрывные элементы» говорят, что фашистов не за что осуждать, потому что, если бы они могли, они сделали бы против буржуазии хуже того, что фашисты делают против пролетариев?

Если бы таковы были общие чувства, если бы буржуа и пролетарии, если бы фашисты и подрывные элементы

вечности, которое в нормальных условиях ставит борьбе предел, за который нельзя зайти, не вызвав глубокого отвращения и всеобщего осуждения. Это мораль в своем становлении.

Историк-профессионал старой школы может предпочитать в качестве предмета своих исследований и повествований громкие события, великие конфликты между народами и классами, войны, революции, интриги дипломатов и заговорщиков; но то, что действительно важнее всего, – это бесчисленные повседневные отношения между индивидами и между группами, составляющие подлинное содержание общественной жизни. И если хорошо присмотреться к тому, что происходит в глубокой, внутренней, постоянной жизни человеческих масс, то обнаруживается, конечно, борьба за овладение лучшими условиями существования, жажда господства, соперничество, зависть и все дурные страсти, которые натравливают человека на человека, но обнаруживается также и плодотворный труд, взаимная помощь, непрерывный обмен бескорыстными услугами, привязанность, дружба, любовь и всё то, что сближает и братает. И человеческие сообщества прогрессируют или падают, живут или умирают в зависимости от того, преобладают ли в них факты солидарности и любви над фактами ненависти и борьбы; более того, само существование любого сообщества было бы невозможно, если бы общественные инстинкты, которые я назову добрыми страстями, не преобладали над злыми страстями, над низменно эгоистическими инстинктами.

Существование чувств привязанности и симпатии между людьми, а также опыт и сознание индивидуальных и общественных выгод, проистекающих от удовлетворения этих чувств, породили и продолжают порождать идеи «справедливости», «права», «морали», которые, даже

среди тысячи противоречий, лицемерия и корыстной лжи, составляют цель, идеал, к которому человечество идёт.

Эта «мораль» изменчива и относительна; она меняется от эпохи к эпохе, от народа к народу, от класса к классу, от индивида к индивиду, и каждый использует её для своих собственных интересов и интересов своей семьи, своего класса, своей страны. Но, отбросив всё то, что в «официальной» морали служит защите привилегий и насилия господ, всегда остаётся некий остаток, который отвечает общим интересам и является общим завоеванием всего человечества без различия класса или расы.

Уже сам тот факт, что привилегированные чувствуют потребность оправдать своё положение, являющееся результатом действия грубой силы, какой-либо разновидностью «морали», есть уже важный шаг к высшей морали; это уже доказательство того, что привилегии не чувствуют себя уверенно и что им суждено исчезнуть.

И если лучшая часть пролетариата борется против буржуазных учреждений, жертвует собой ради дела и подвергается всевозможным опасностям, то именно потому, что она одушевлена высшим идеалом человеческой справедливости. Изымите из души пролетариев чувство справедливости, побудите их применять насилие без предела и без колебаний, «потому что так делают буржуазия и правительства», – и вы сможете сделать разбойников, но не сделаете революционеров; вы сможете, если исключительные обстоятельства сложатся в вашу пользу, заменить один класс другим, а существующие ныне тиранию и привилегии – новыми, но мы не продвинемся к полному освобождению человечества, к обществу свободных людей и братьев, за которое мы боремся.

***

Насилие, к сожалению, необходимо для сопротивления насилию противника, и мы должны проповедовать его и готовить, если не хотим, чтобы нынешнее состояние скрытого рабства, в котором находится великое большинство человечества, продолжалось и ухудшалось. Но оно содержит в себе опасность превращения революции в жестокую драку без света идеала и без возможности благотворных результатов; и поэтому нужно настаивать на моральных целях движения и на необходимости, на обязанности удерживать насилие в пределах строгой необходимости.

Мы не говорим, что насилие хорошо, когда применяем его мы, и плохо, когда его применяют другие против нас. Мы говорим, что насилие оправдано, хорошо, «морально», обязательно, когда оно применяется для защиты себя и других против притязаний насильников; оно плохо, «аморально», если служит нарушению чужой свободы.

Увы, многие революционеры в пылу борьбы, раздражённые кровавыми гнусностями правителей, в применении средств, необходимых для борьбы, или в проповеди их применения потеряли ясное видение цели, за которую борются; и вместо сознательных революционеров получились насильники.

И это не последняя из причин, сделавших возможным фашизм.

Фашисты совершали насилия и неописуемые гнусности, проявили такое зверство, такое отсутствие морального чувства, что в нормальное время они были бы изгнаны из гражданского общества.

Каждый порядочный человек, независимо от своих взглядов и общественного положения, чувствует отвращение к известным преступлениям и известным преступникам: он избегает, например, всякого контакта с растлителем детей, с убийцей из грубой злобы, с избивателем женщин и инвалидов, со шпиком, который за